

Александр Майоров

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ РУСЬ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ И УКРАИНСКИХ ИСТОРИКОВ XIX – XX вв.

Первые общие труды по истории Галичины и Волыни появились в конце XVIII в. Они принадлежат перу австрийских историков Л. А. Гебхарда, Й. А. Хоппе, Й. Х. Энгеля¹. Поводом к написанию этих работ стало присоединение Галиции к Австрийской империи в результате первого раздела Польши (1772). Работы австрийских историков содержат лишь весьма поверхностный обзор событий политической истории Юго-Западной Руси, основанный на очень неполном материале, взятом почти исключительно из польских источников, использованных некритически. Это же можно сказать и о работе датского историка П. Ф. Сума, опубликованную в русском переводе более полувека после ее написания². Тогда же в периодической печати стали появляться сочинения краеведческого плана, посвященные истории отдельных червоннорусских городов и удельных княжеств³.

В середине XIX в. начинается научное изучение и описание истории Галицко-Волынской Руси, основанное на критическом использовании всех известных тогда письменных источников, включая вновь вводимые в оборот архивные мате-

риалы, а также результаты первых археологических исследований. В этой связи следует отметить работы львовского архивариуса и видного общественного деятеля, члена так называемой «Русской партии» Д. И. Зубрицкого⁴, профессора Московского университета А. И. Клеванова⁵ и профессора Львовского университета И. И. Шараневича⁶. Работы названных авторов и особенно трехтомный труд Д. И. Зубрицкого содержат подробный и обстоятельный разбор политической истории, сводимой главным образом к междукняжеским отношениям.

Следующий этап в изучении истории Юго-Западной Руси связан с работами М. П. Смирнова, Н. И. Костомарова, В. Пасека, Н. П. Дашкевича, написанными в 60 – 70-е годы XIX в. Исчерпав «внешнюю» сторону проблемы, т. е. собрав и описав факты политической истории края, историки все в большей мере начинают углубляться во «внутреннюю» историю, как тогда говорили, – исследовать особенности общественно-политического строя и социально-экономических отношений.

Одним из первых таких исследований явилась опубликованная в 1860 г. работа выпускника Историко-Филологического факультета Санкт-Петербургского университета М. П. Смирнова. В ней уже были сформулированы основные подходы к изучению общественного положения и политической роли боярства, княжеской власти и городской общины, получившие развитие в дальнейших исследованиях. «Внимательно сообщая все события, – пишет М. П. Смирнов, – мы замечаем, что сила городов была парализована боярами, граждане почти всегда являются только зрителями или играют роль пассивную, исполняют приказания бояр»⁷.

«Боярское начало, можно сказать, порабощало в Галиче все остальные начала и скопляло себе за счет сих последних несметные сокровища», – замечает В. Пасек⁸. Рассуждая о силе и могуществе галицких бояр, Н. И. Костомаров находит причину этого в самобытности края, его природных и общественных условий и, в первую очередь, демократическом характере политического устройства, понимая дело так, что «развитие народной свободы необходимо должно было произвести возвышение одних пред другими и образование сильного класса»⁹.

Важным достоинством работы Н. П. Дашкевича является

стремление автора проследить динамику развития общественной жизни в Червонной Руси на протяжении XII – XIII вв., отметить происходящие здесь перемены и создать картину эволюции внутриобщинных отношений. Первоначально галицкие бояре, как и везде на Руси, составляли только верхний слой княжеской дружины¹⁰. Перемены начинаются в княжение Ярослава Осмомысла. Бояре приобретают «силу и авторитет» в отношениях с князем, несвойственные дружинникам, начинают «влиять» на князя, заставляя его совершать те или иные поступки. С другой стороны, «высший класс галицкого служилого сословия» «присвоил себе и начал пользоваться теми правами, которыми в других областях пользовалась община, сам стал распоряжаться за галицкую общину»¹¹. Получив в стране первенствующее положение, дружинники-бояре «пользовались им не как лучшие члены общины, не разрывавшие с ней связи, а независимо от нее и даже в ущерб ей. Не смотря на то, они не встречали от нее сильного сопротивления, потому что она была рано подавлена в Галиче»¹².

В дальнейшем антагонизмы в отношениях бояр и общины еще больше усиливаются, и бояре становятся причиной бесчисленных бедствий, обрушившихся на простых людей: «Где должна решать что-нибудь сама страна, там всегда выступали на сцену бояре. Изредка только проглядывает в летописи народ как деятельная сила; он заявлял свой голос, когда налицо не было бояр. Бояре же в политике почти всегда действовали вопреки его благосостоянию. Они были виновниками большинства смут в стране... Они наводили иноземцев, которые – были мгновения – посягали даже на народную совесть. Этого мало: сами бояре не особенно церемонились с народом»¹³. Но полностью подавить и подчинить общину, также как и взять под полный контроль княжескую власть бояре были не в силах¹⁴.

Сложившиеся в 1860 – начале 70-х годов представления о боярстве и политическом строе Юго-Западной Руси прочно вошли в отечественную историографию, встретив своих последователей и оппонентов и определив направления дальнейшего поиска. Согласно В. О. Ключевскому, галицкое боярство не являлось представителем народа, а хотело править народом в собственных интересах¹⁵. «Сила, какую приобрело в Га-

лицкой Руси боярство, – пишет И. А. Линни-ченко, – убила здесь самостоятельность городской общины. Не она, а боярство, является здесь решителем судеб земли. Боярство, а не вече, приглашает и изгоняет князей, с боярами, а не с горожанами, сносятся разные, как русские, так и иноземные претенденты на княжеский стол...»¹⁶.

В том же направлении мыслит А. М. Андрияшев: «Первенствующую роль в Галицкой земле играло боярство, преследовавшее вообще свои сословные цели и очень мало заботившееся об общем благе»¹⁷. Волынские же бояре шли, по словам историка, «по следам галицкого боярства» и желали «расширить свои права»¹⁸. П. А. Иванов числит бояр исключительно среди княжеских дружинников, возвысившихся, благодаря службе князю и обогатившихся за счет его доходов. Поскольку авторитет князя в XIII – XIV вв. сильно возрастает, повышаются роль и значение бояр¹⁹.

С принципиально иных позиций решает проблему «особенностей галицко-волынского государственного устройства» М. Ф. Владимирский-Буданов. Признавая, что «здесь берет преобладание боярская власть над князем и вечем», что «бояре присваивают себе право распоряжения княжеским столом», историк видит в боярах Древней Руси прежде всего «лучших людей земли», «земскую аристократию», с которой полностью сливается другой компонент боярства – старшие дружинники князя²⁰. Древнерусское боярство «не имело ни сословной корпоративности, ни сословных привилегий. Образованию корпоративности мешал земский характер древних русских государств. Каждая община (город, волость и даже село) имела своих бояр (равно как средних и меньших людей)»²¹. Бояре неотделимы от своей общины, и в момент борьбы враждующих городских общин бояре и горожане «отождествляются» и «противопоставляются» внешнему миру²². Как представители общины бояре входят в боярскую думу – «постоянный совет лучших людей каждой земли, решающий (вместе с князем) высшие земские вопросы» и являющийся, наряду с князем и вечем, основным элементом в «составе государственной власти»²³.

Критическим пафосом проникнуты высказывания И. П. Филевича, одним из первых попытавшегося проанализи-

ровать взгляды предшественников относительно политического строя Юго-Западной Руси, роли и значения бояр в жизни общины. «Вообще, мнение о роли и значении галицкого боярства мы считаем таким же научным недоразумением, каких немало можно отметить во взглядах на историю Галича. Боярство было в Галиче, как было оно и в других русских землях, и исключительная роль его обнаруживалась только при условиях, какие в других землях отсутствовали», – историк не уточняет, о каких условиях идет речь²⁴.

На рубеже XIX – XX вв. увидели свет первые тома фундаментального труда М. С. Грушевского «История Украины – Руси», вмещающие подробные очерки истории всех южно-русских земель, в том числе Галичины и Волыни, а также характеристику общественно-политических отношений в домонгольский период. В построениях автора идея о всемогуществе галицкого боярства – экономическом и политическом – достигает кульминации. «В общественном укладе Галичины наиболее характерное явление – это необычайный, нигде на Украине неслыханный размах боярской силы и влияния. Он наложил свою печать на политические отношения земли: его последствия проявились здесь в подчиненном положении общины в отношении боярства, а временами политические стремления боярства парализовали княжескую власть до полной беспомощности»²⁵.

Боярство в Галицкой земле «сложилось в такую крепко консолидированную массу, которая могла развернуть борьбу на два фронта: имея против себя общину, бороться с князем»²⁶. Историк указывает на «отчетливую антипатию общины к боярству» как на коренную черту взаимоотношений бояр и простых людей. Причина непопулярности бояр – их «грабительства земли», ведь галицкое боярство «было прежде всего правительственным сословием, которое смотрело на землю и население как на источник дохода, как на “корм”... А к тому же прибавилась ненависть к боярству как к сословию капиталистов, земельных магнатов...»²⁷. Впрочем, эта ненависть и сопротивление общины боярам были слабыми и нерешительными: «община выступала изредка, по случаю, инициативы не проявляла, да и силы ее, кажется, не были велики».

Община Галича была рано подавлена репрессиями князей

(середина XII в.), опиравшихся тогда на помощь бояр²⁸. Кроме того, боярство «могло в значительной мере нейтрализовать стремления общины. Боярские клиентелы тысячами нитей вязали вокруг себя людей из мещанства и крестьянства»²⁹. М. С. Грушевский отмечает также «значительную политическую роль волынского боярства», хотя оно и «не имело такой силы, как боярство галицкое»³⁰.

Некоторые коррективы в построения М. С. Грушевского пытался внести его ученик М. Кордуба, в частности уточняя тезис о полном господстве бояр над простыми людьми. «Тезис о полном господстве бояр над низшими слоями населения о правдив, только если прилагать его к одной части, то есть к сельскому населению. Крестьяне ограничены в своих правах уже с самого начала галицкой истории. На ход политических дел они не имеют никакого влияния»³¹. Напротив того, мещане «ведут беспрестанную борьбу с боярством против его преобладания и своим влиянием иногда решают политические дела»³².

Очевидно, в немалой степени под влиянием работ М. С. Грушевского, его учеников и последователей в историографии начала XX в. возобладал взгляд на галицкое и отчасти волынное боярство как на исключительный феномен, не имевший себе равного в других русских землях и в экономическом, и в политическом отношениях, как на могущественное сословие, способное подчинить себе и общину (вече), и княжескую власть, и самостоятельно управлять судьбами земли. Суждения такого рода встречаем в различных научных и научно-популярных сочинениях по русской и украинской истории и этнографии³³, университетских лекционных курсах и пособиях к ним³⁴, в научной и учебной литературе по истории русского права³⁵ и проч.

В советской историографии 1920–30-х годов постепенно утверждаются марксистские теоретические принципы в практике исторического исследования. Существенно изменились взгляды и представления о начальных этапах русской истории. В ходе напряженных научных дискуссий 30-х годов возобладала выдвинутая Б. Д. Грековым, М. М. Цвибаком и другими исследователями концепция феодального строя Киевской Руси, возникшего непосредственно в процессе разложения перво-

бытнообщинных отношений у восточных славян³⁶. Основными признаками феодализма в древнерусском обществе считались: крупное феодальное землевладение (поскольку сельское хозяйство и в особенности земледелие, составлявшее основу феодального способа производства, представляло собой главную отрасль хозяйства Древней Руси), наличие различных категорий феодально зависимого населения, антифеодальный характер классовой борьбы³⁷. Боярство теперь воспринималось как верхушка класса феодалов, основной интерес которой заключался в том, чтобы оформить свое правовое положение и обеспечить тем самым для себя ряд привилегий. Первейшая среди них – «сеньориальное право владения землей, в содержание которого входило право суда и управления над феодально зависимым населением»³⁸.

В строгом соответствии с новой концепцией советскими историками изучалась история отдельных регионов Древней Руси. В конце 1930-х годов появились первые работы, специально посвященные социально-политическим отношениям Галичины и Волыни. Это статьи А. А. Савича «Борьба феодалов в Галицко-Волынской Руси»³⁹ и В. В. Мавродина «О народных движениях в Галицко-Волынской княжестве XII – XIII вв.»⁴⁰. Автор первой из них сосредоточивается, главным образом, на выяснении отношений внутри господствующего класса – между княжеской властью и боярством, служилым и земским. А В. В. Мавродин рассматривает положение галицко-волыньских бояр как бы с другой стороны – на фоне народных движений XII – XIII вв., являвшихся выражением «стихийного недовольства народных масс установившимися феодальными формами господства и подчинения»⁴¹. Как городское, так и сельское население более всего страдало от боярского гнета и именно в боярах видело своего главного классового врага: «Бояре “грабят, расхищают”: их усобицы били по ремеслу и торговле; благодаря им угры и ляхи “пустошили” Галицкое княжество, они предавали русскую землю, “наводили” на нее иноземцев, торговали интересами Галича»⁴².

Более основательно и систематически характеризует особенности социально-политического строя Галичины и Волыни, положение и значение местного боярства С. В. Юшков, посвятивший Галицко-Волынской Руси специальный раздел в своих

работах по истории общественно-политических отношений в Древней Руси. Ученый отмечает раннее разложение в Галиции родоплеменного строя и более интенсивное, нежели в других землях, развитие феодализма⁴³. Как и Северо-Восточная Русь Галиция была местом «оживленной колонизации», сюда перетекало население Приднепровья и оседало «в уже сложившихся боярских сеньориях и, таким образом, усиливало экономическую и социальную базу местных бояр»⁴⁴. Бояре «сумели захватить в свои руки основную часть Галицкой земли» и стали играть «крупнейшую роль в политической жизни страны». Они распоряжались княжеским столом и играли исключительную роль «в организации местного управления» – бояре «присвоили себе право раздавать волости и города»⁴⁵.

Оживление научного интереса к историческому прошлому юго-западного региона Восточной Европы в нашей стране вызвало важнейшее политическое событие – включение в состав СССР Западной Украины и Западной Белорусии осенью 1939 г. В печати появился ряд специальных работ ведущих советских историков, прослеживающих начальные этапы истории Галиции и Волыни⁴⁶. Одна из них принадлежала перу Б. Д. Грекова⁴⁷, в ней историк изложил основные положения своей концепции генезиса феодализма применительно к Юго-Западной Руси. Был затронут и вопрос об общественном положении галицко-волынского боярства: «Высший слой населения этого края – бояре-землевладельцы. Им как классу экономически наиболее сильному принадлежала власть»⁴⁸. Отношения бояр и простых людей приобретали характер господства и подчинения: «Сила бояр была в их земельных владениях, а земля обрабатывалась руками смердов. Зависимость смердов от землевладельцев при этих условиях неизбежна»⁴⁹. Ответом был рост классовых противоречий, проявлявшихся в Юго-Западной Руси «в более резкой форме», чем в других регионах⁵⁰.

Исследования М. Н. Тихомирова поставили под сомнение распространенное мнение о политическом бессилии городов Галицко-Волынской земли, где утратили значение демократические институты власти, а население сперва было обескровлено княжескими репрессиями, а затем попало под гнет бояр-правителей. Собрав и проанализировав многочисленные лето-

писные данные, ученый приходит к следующему выводу: «Особый характер Галицко-Волынской летописи, все еще мало изученной как исторический источник, мешает нам приглядеться к внутренней истории Галича, но и то, что известно, позволяет думать о развитии в нем вечевых порядков. И это было особенностью не одного Галича, но и других городов Галицко-Волынской земли»⁵¹. Как и в других русских землях в Галичине и на Волыни происходит движение горожан за «городские привилегии»; используя благоприятный момент (междоусобия князей) горожане оказывают влияние на судьбу княжеского стола, с оружием в руках защищают свою землю от врагов, откликаясь на призыв князя, оказывают ему помощь в борьбе с боярами»⁵².

Выводы М. Н. Тихомирова поддержал В. Т. Пашуто: «М. Н. Тихомиров вполне прав, когда предполагает, что города юго-западной Руси играли важную роль в ее истории»⁵³. Что же касается боярства, то, по В. Т. Пашуто, оно делилось на служилое («княжих мужей») и земское («мужей галицких»). С XII в. последние значительно усиливаются и начинают выступать против княжеской власти. Но в XIII в., опираясь на поддержку политически окрепших городов, князья принимают «суровые меры по ограничению боярского самовластья»⁵⁴. Бояре выполняют «важнейшие функции в государственном управлении»⁵⁵. Им принадлежит ключевая роль в военном строительстве: «Бояре сами предводительствовали войсками и были одеты в доспехи. Они же составляли военный совет князя»⁵⁶. Вполне сложились взаимоотношения бояр с сельским населением и крестьянской общиной: «Вместе с ростом крупного землевладения община попадает под власть землевладельцев, и прежде свободные члены общины делаются подданными»; галицкое крестьянство «в большей части сидело уже на землях, давно освоенных боярством». «Смерды-пешцы» являлись «основным родом войск» в составе военных ополчений, собираемых боярством⁵⁷. В то же время рост крупного землевладения и развитие вотчины-сеньории сопровождалась «вспышками открытой классовой борьбы крестьянства»⁵⁸. В городах также росло недовольство засильем феодальной знати: «горожане и особенно городская и торгово-ремесленная верхушка стремились освободить город из-под власти

крупных бояр или мелкого князя и включить его под юрисдикцию какого-либо крупного князя»⁵⁹.

Известным достижением советской историографии явилось создание специального монографического исследования, изучающего общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI – XIII вв.⁶⁰ Его автор, К. А. Софроненко прослеживает развитие феодального землевладения в Галиции и на Волыни, формирование классов-сословий феодального общества, становление и функционирование государственно-политических институтов – княжеской власти, совета бояр, веча, феодальных съездов, органов центрального и местного управления. Достаточно традиционно К. А. Софроненко решает вопрос о взаимоотношениях бояр-землевладельцев с другими сословиями галицко-волынского общества – крестьянами и горожанами. «Усиление эксплуатации смердов местной феодальной знатью было так велико, что они неоднократно выступали против феодалов, применяя различные формы борьбы... Ожесточенная классовая борьба часто проявлялась в больших народных восстаниях против угнетателей – феодалов и купеческо-ростовщической верхушки»⁶¹. Господствующее положение знати укрепляло присвоение ею руководящих функций в государственном аппарате управления, как центрального, так и местного⁶².

В предложенной историком характеристике общественно-политического положения боярства заслуживает внимания также мысль о том, что «боярство не являлось замкнутым сословием, а пополнялось за счет других слоев населения» и при этом всегда сохраняло единство политических интересов: «Нельзя согласиться с мнением... о коренном отличии галицких бояр от бояр других княжеств по признаку постоянного деления первых на партии. Боярских партий в Галицкой Руси не было, а имели место лишь разногласия между отдельными группами бояр, основная же линия всех бояр была едина – сделать свое господство несокрушимым»⁶³.

В 1958 г. была завершена работа И. П. Крипякевича «Галицко-Волынское княжество», опубликованная только спустя четверть века⁶⁴. Работа охватывает всю историю княжества – с древнейших времен до середины XIV в. и сочетает в себе принятую советской историографией марксистскую методо-

логию исторического исследования и созданную на ее основе концепцию феодального строя Древней Руси с приемами до-революционных исследователей, уделявших первоочередное внимание анализу источников и конкретных фактов и придерживавшихся иных теоретических воззрений. Историк разделяет галицко-волынских бояр на две социальные категории – «великих» бояр и «мелкое боярство», причем к «феодальной верхушке» принадлежали только первые, а вторые относились к «эксплуатируемым массам»⁶⁵. «Великие» бояре владели земельными и иными богатствами, составляли «старшую» дружину князя, имели «пожалованное князем право на управление какой-нибудь территорией» и «раздавали от княжеского имени некоторые земли мелким боярам»⁶⁶. С усилением социально-экономического могущества феодальной знати росла эксплуатация и недовольство крестьян и горожан «княжеско-боярским режимом», выразившееся в массовых выступлениях. Однако эти движения «нельзя считать действительно народными восстаниями», поскольку руководство ими «осуществляли боярские группы, которые вели между собой борьбу за власть. Массы были лишь участниками выступлений, а иногда расплачивались за их неудачи»⁶⁷.

Таким образом, в советской историографии конца 30-х – конца 50-х годов сложилась новая концепция общественно-политического строя Юго-Западной Руси, отвечающая в том числе на вопрос о социально-экономическом и политическом положении местного боярства. В общих чертах (опуская некоторые частные расхождения) это положение сводилось к следующему.

Бояре являлись крупными феодалами-землевладельцами, захватившими почти все обрабатываемые земли в Галицком и Владимиро-Волынском княжествах, причем сделано это было не столько за счет княжеских пожалований (как в большинстве других регионов Древней Руси), а главным образом при опоре на собственные возможности, экономические прежде всего. Данное обстоятельство делало галицких и отчасти волынских бояр политически независимыми в отношениях с князьями, позволяло с успехом вести борьбу за расширение своих социальных привилегий и добиваться политической власти. В глазах простых людей и особенно феодально-зависимого крес-

тьянства, проживающего на территории боярских сеньорий, бояре представляли собой главного классового врага, нещадного угнетателя и эксплуататора, воплощающего к тому же антипатриотическое начало, ибо по вине бояр земля терпит постоянные разорения от иностранцев, используемых боярскими группировками в борьбе за власть.

Угнетенное положение народных масс усугублялось еще и тем, что бояре монополизировали все структуры управления, центрального и местного, перекрыв доступ к власти простому народу, а также свели до минимума политическое значение веча. И только наметившаяся в начале XIII в. тенденция политического сотрудничества княжеской власти и жителей больших городов позволила начать решительную борьбу за обуздание боярской анархии, продолжавшуюся до самого монголотатарского нашествия.

Такие же по существу взгляды, подкрепленные некоторыми новыми аргументами встречаем и в работах последующего времени, в частности у Б. А. Рыбакова⁶⁸, П. П. Толочко⁶⁹, Н. Ф. Котляра⁷⁰ и др.

В настоящее время отмечается значительное оживление научного интереса к проблемам истории Галицко-Волынской Руси. Этому способствовали, в частности, празднование двух официальных юбилеев — 1100-летия города Галича и 800-летия со дня рождения галицко-волынского князя Даниила Романовича, отмеченное проведением ряда крупных научных конференций и публикацией сборников их трудов⁷¹.

В новейших работах украинских исследователей мы встречаем вполне традиционные построения, воспринятые от советской историографии. В частности, это касается галицкого боярства: «Галицкие бояре — полагает Б. П. Томенчук — были наследниками родоплеменной знати Хорватии... Галич стал местом концентрации большей части, если не всего галицкого (всей земли) боярства. Такая концентрация тут многочисленной боярской олигархии предполагала и обуславливала их чрезвычайное политико-экономическое могущество в системе как самого Галича, так и всего Галицкого княжества»⁷². Местом концентрации бояр, считает исследователь, являлся галицкий подол — «боярский посад», противостоявший княжеской «горе» — Крылосу. «Так в летописном Галиче существовали два цент-

ра, две зоны: княжеская и боярская, пришлая и местная, которые постоянно находились в противостоянии, как политическом, так и экономическом, а также в религиозном...»⁷³.

Легко заметить, что приведенные взгляды, особенно в части, касающейся взаимоотношений боярства и княжеской власти, чрезвычайно близки, если не сказать воспроизводят построения В. Л. Янина, изучающего социальную топографию древнего Новгорода⁷⁴. Наиболее уязвимым звеном подобных концепций является то, что их авторами совершенно игнорируется роль и само существование простых жителей, рядовых горожан, основного большинства населения древнерусского города, которому просто не остается места в реконструируемом исследователями сообществе.

Отличительной особенностью развития историографии Юго-Западной Руси является зачастую полное совпадение оценок положения и роли местного боярства советскими исследователями и представителями украинской зарубежной историографии, уделявшей повышенное внимание Галицко-Волынской державе как первому чисто украинскому национальному государству⁷⁵. Налицо совпадение взглядов по целому ряду важнейших признаков социально-экономического и политического статуса бояр, их взаимоотношений с княжеской властью и простыми людьми. Отвергая принцип формационного подхода к изучению исторического процесса и в целом не принимая концепцию феодального строя Древней Руси, украинские зарубежные историки, также как и их советские коллеги признавали в галицко-волыньских боярах крупных землевладельцев, «которые по образу западноевропейских феодалов жили в укрепленных замках и имели сильные дружины»⁷⁶.

Бояре играли главную роль в политической жизни земли, распоряжаясь судьбой княжеского стола⁷⁷, «претендовали на участие во власти, добивались, чтобы князь ничего не делал без боярской думы (совета), захватывали высшие должности»⁷⁸. Для достижения своих целей бояре постоянно прибегали к помощи иноземцев, ставя под угрозу независимость и благополучие родной земли. Это происходило потому, что «галицкие бояре проводили прежде всего свою сословную политику и не считались с интересами всего населения»⁷⁹. «Могущественные вельможи с насмешкой встречали приказания князя, сами де-

лили между собой государственные доходы и грабили население»⁸⁰. По этой причине население Юго-Западной Руси и, прежде всего горожане, выступали как антагонисты бояр, что дало возможность княжеской власти (в лице Романа и Даниила) повести борьбу с сепаратизмом бояр, опираясь на поддержку городов⁸¹.

Близость взглядов советских и украинских зарубежных историков по существу рассматриваемого вопроса, разумеется, не является простой случайностью. Эти взгляды, несомненно, имеют общие историографические корни. Истоки подобных представлений восходят к широко распространенной в отечественной науке начала XX в. концепции М. С. Грушевского, к его пониманию своеобразия общественно-политического строя Галицко-Волынской земли и роли в этом процессе местного боярства. Конкретно-исторические построения школы М. С. Грушевского, развиваемые украинскими немарксистскими историками оказались вполне приемлемыми и для советской историографии, доказывающей наличие в Юго-Западной Руси крупного феодального землевладения как базиса политического господства боярской знати, классово антагонистический характер общественных отношений, антифеодальную (главным образом антибоярскую) направленность народных движений.

В отечественной историографии существует и другая традиция изучения общественно-политического строя Древней Руси и Галицко-Волынской земли в частности. Для нее свойственно понимание общественного и политического устройства древнерусских земель-волостей XI – начала XIII вв. как демократических, основанных на общинных (земских – по старой терминологии) отношениях государственных образований, лишенных сословной розни и непримиримых классовых противоречий. В настоящее время эта традиция приобрела новое теоретическое обоснование и развитие в трудах И. Я. Фроянова и историков его школы, в том числе специально посвященных прошлому Галицкой и Волынской земель⁸². В рамках формационного подхода к изучению исторического процесса общественно-политического строя Древней Руси характеризуется И. Я. Фрояновым как переходный от первобытнообщинного к феодальному, основу которого составляла «община

без первобытности», социально однородная по своему составу, хотя и стратифицированная в имущественном и ранговом отношениях⁸³.

Бояре в такой системе предстают «как лидеры, управляющие обществом, т. е. выполняющие известные общеполезные функции»⁸⁴. Политическая роль бояр прежде всего включает правительственный аспект, состоит в руководстве и управлении общиной через существующий аппарат государственной власти и управления: «именно должностная, служебная роль бояр, возглавлявших древнерусское общество в качестве руководящей силы, являлась главным признаком свойственным этой социальной категории»⁸⁵.

Что касается бояр Юго-Западной Руси, то в социальном и политическом отношении они мало чем отличались от древнерусского боярства вообще⁸⁶. Прежде всего, здесь отсутствовали экономические основания для социально-политического возвышения бояр и противопоставления их общине – крупная феодальная земельная собственность⁸⁷. «Источники рисуют совсем другой статус боярства, – считают авторы монографии «Города-государства Древней Руси». – Одна из его функций связана с деятельностью дружины: бояре выступают старшими дружинниками, окружают князя, и в такой роли Галицко-Волынская летопись знает их на протяжении XII – XIII вв. Но чаще всего они играли роль лидеров в городской общине, возглавляя партии, ведущие между собой борьбу..., бояре, враждая друг с другом, увлекали за собой остальную люд, раскалывая общество на борющиеся группировки»⁸⁸.

«Отсутствие единства среди бояр, участие в их затеях рядового населения говорит о том, что галицкое боярство не консолидировалось в замкнутое сословие и было пока достаточно размытой социальной категорией»⁸⁹. Но сколь не велика была роль бояр в жизни общины, не следует «преувеличивать политическую значимость боярства, ибо в Галиче, как и в других землях, последнее слово преимущественно оставалось за городской общиной в целом»⁹⁰. Вместе с тем спецификой Юго-Западной Руси было «активное участие Польши и Венгрии во внутренней политической жизни Владимирской и Галицкой волостей», что оказывало «заметное влияние на статус бояр»: поддержка, предоставляемая время от времени

галицким и волынским боярам иноземцами порождала «известную их (бояр. – А. М.) независимость от собственных общин»⁹¹.

Нет оснований преувеличивать политическую силу бояр и во взаимоотношениях с княжеской властью, права которой бояре бы пытались свести к минимуму и как-либо изменить существующую форму правления. Бояре «боролись не против княжеской власти, а против отдельных князей. В противном случае не понять, почему некоторые бояре стремились вокняжиться в Галиче»⁹². Галицко-волынское боярство не превратилось во всемогущую олигархию, благодаря политической самостоятельности народных масс: через вече и свою военную организацию «люди» всегда могли заставить любого политического лидера считаться с интересами всей общины или же избавиться от него⁹³.

В итоге И. Я. Фроянов приходит к выводу, что факты, почерпнутые из источников, не согласуются с распространенными представлениями об общественном положении галицко-волынского боярства: «Всесилие бояр, подмявших якобы под себя и народ, и князя, – миф старой историографии, повторяемый современными авторами»⁹⁴.

Принципы, сформулированные в работах И. Я. Фроянова и его учеников, получающие растущее признание в современной науке, открывают широкие перспективы для новых исследований в области общественных отношений и государственного строя средневековой Руси, преодоления многих неоправданных стереотипов и устаревших представлений. Являясь, с одной стороны, продолжением традиционной для русской историографии общинной концепции древнерусской цивилизации, они в то же время опираются на опыт советских исследователей, не отрицая возможности формационного подхода в изучении исторического прошлого. В сочетании этих двух методологических приемов – цивилизационного и формационного, – на наш взгляд, состоит основная перспектива дальнейшего научного поиска и осмысления особенностей общественно-политической истории русского средневековья.

- 1 Gebhard L. A. Geschichte des Konigreiches Galizien, Lodomerien und Rotreussen. Pest, 1778; Hoppe J. A. Geschichte des Konigreiches Galizien und Lodomerien. - Wien, 1792; Engel J. Ch. 1) Geschichte von Halitsch und Wladimir. - Wien, 1792; 2) Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kosaken, wie auch der Konigr Halitsch und Wladimir. - Halle, 1796.
- 2 Сум П. Ф. Историческое рассуждение о Галиции и Лодомерии. - М., 1847.
- 3 Siarczynski F. Dzieje ksiestwa niegdys Przemyslskiego // Czasopism naukowy Biblioteki im. Ossolinskich. - 1828. - № 2/3; Dzieje niegdys ksiestwa Belzkiego i miasta Belza // Ibid. - №2; История бывших княжеств Теребовльского и Звенигородского // ЖМНП. - 1838. - Июль; О Галицкой и Венгерской Руси // Там же. - 1844. - Ч. XLI. - Отдел 2.
- 4 Зубрицкий Д. И. 1) Критико-историческая повесть временных лет Червоной или Галицкой Руси. М., 1845; 2) История древнего Галицко-Русского княжества. - Львов, 1852-1855. - Ч. I-III.
- 5 Клеванов А. История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV века. - М., 1849.
- 6 Шараневич И. И. История Галицко-Володимирской Руси от найдавших времен до року 1453. - Львов, 1863.
- 7 Смирнов М. П. Судьбы Червоной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшею (1387). - СПб., 1860. - С. 117.
- 8 Пассек В. Княжеская и докняжеская Русь // Чтения в Обществе истории и древностей российских. - 1870. - Кн. 3. - С. 49-50.
- 9 Костомаров Н. И. Черты народной южнорусской истории // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. - Киев, 1989. - С. 95.
- 10 Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. - Киев, 1873. - С. 19.
- 11 Там же. - С. 21.
- 12 Там же. - С. 24.
- 13 Там же. - С. 25-26.
- 14 Там же. - С. 35.
- 15 Ключевский В. О. Боярская Дума Древней Руси. - М., 1994. - С. 69-70.
- 16 Линниченко И. А. Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV – XV вв. - М., 1894. - С. 210.
- 17 Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV стол. - Киев, 1887. - С. 153.
- 18 Там же. - С. 155.

- 19 Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. - Одесса, 1895. - С. 267-271.
- 20 Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. - Пг.; Киев, 1915. - С. 25-29.
- 21 Там же. - С. 30.
- 22 Там же.
- 23 Там же. - С. 44 и след. - Подр. см.: Владимирский-Буданов М. Ф. Новые исследования о Боярской Думе // Сборник государственных знаний. - СПб., 1880. - Т. VIII.
- 24 Филевич И. П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. - СПб., 1890. - С. 183-184.
- 25 Грушевский М. С. Історія України-Руси. - Київ, 1992. - Т. II. - С. 473.
- 26 Там же. - С. 478.
- 27 Там же. - С. 476-477.
- 28 Там же. - С. 478.
- 29 Там же. - С. 477-478.
- 30 Там же. - С. 401.
- 31 Кордуба М. Суспільні верстви та політичні партії в Галицькім князівстві до половини XIII ст. // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка (ЗНТШ). - Львів, 1899. - Т. XXXI-XXXII. С. 28.
- 32 Там же. - С. 29.
- 33 Ляскоронский В. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII стол. - Киев, 1903. - С. 369 и др.; Ефименко А. Я. История украинского народа. - Киев, 1990. - С. 75 и след.; Аркас М. Історія України - Руси. - Київ, 1991. - С. 90-91; Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. - М., б. г. - Т. I. - С. 300 и след.; Вишняков Е. И., Пичета В. И. Русская история. - М., 1908. - С. 72-73; Украинский народ в его прошлом и настоящем / Под ред. Ф. К. Волкова, М. С. Грушевского, М. М. Ковалевского (и др.). - СПб., 1914. - Т. I. - С. 97-100; Rogozinskiy A. M. Древнейшие эпохи в истории Галицкой Руси и их влияние на ее современное состояние. - Киев, 1915; Чубатий М. Західна Україна і Рим у XIII віці у своїх змаганнях до церковної унії // ЗНТШ. - Львів, 1917. - Т. CXXXIII-CXXXIV. - С. II и др.
- 34 Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. - М., 1993. - С. 155 и след.; Багалей Д. И. Русская история. - М., 1914. - Т. I. - С. 262-266; Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. - М., 1915. - С. 151 и след.; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. - М., 1939. - Т. II. Вып. I. Западная Русь и Литовско-Русское государство. - С. 26-27. - Впрочем, большинство этих курсов (исключение составляют Лекции А. Е. Прес-

- някава) очень мало внимания уделяли Юго-Западной Руси, как бы выпадавшей из общего контекста русской истории.
- 35 См.: Филиппов А. Н. Учебник истории русского права (Пособие к лекциям). - Юрьев, 1914. - Ч. I. - С. 204 и след.
- 36 См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. - С. 231-258. - Ср.: Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII - XX вв. - СПб., 1996. - С. 191-223.
- 37 Греков Б. Д. 1) Очерки по истории феодализма в России: Система господства и подчинения в феодальной деревне. - М.; Л., 1934; 2) Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1935; 3) Киевская Русь. - М.; Л., 1939; 4) Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. - М.; Л., 1940.
- 38 Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. - М.; Л., 1939. - С. 158, 160. - См. также: Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. - М., 1952. - Кн. I. - С. 257.
- 39 Савич А. А. Борьба феодалов в Галицко-Волынской Руси // Ученые записки Московского государственного педагогического института: Серия история. - 1937. - Т. II. - Вып. I.
- 40 Мавродин В. В. О народных движениях в Галицко-Волынском княжестве XII - XIII вв. // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. - 1939. - Вып. 5.
- 41 Там же. - С. 3.
- 42 Там же. - С. 13. - См. также: Мавродин В. В. 1) Очерки по истории феодальной Руси. - Л., 1949. - С. 179-189; 2) Народные восстания в древней Руси. - М., 1961. - С. 91-109.
- 43 Юшков С. В. Очерки по истории феодализма... С. 247. - Впервые свой взгляд на особенности феодализации Юго-Западной Руси ученый высказал в работе 1925 г.: Юшков С. В. Феодальные отношения в Киевской Руси // Ученые записки Саратовского государственного университета. - 1925. - Т. III. - Вып. 4. - С. 97.
- 44 Юшков С. В. Очерки... - С. 247-248.
- 45 Там же. - С. 249.
- 46 Греков Б. Д. Древнейшие судьбы Западной Украины // Греков Б. Д. Избранные труды. - М., 1959. - Т. II; Готье Ю. В. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии // Исторический журнал. - 1940. № 3; Пичета В. И. 1) Конец вековому расчленению украинского и белорусского народов // Исторические записки. - 1939. - Т. 6; 2) Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Белоруссии // Историк-марк-сист. - 1939. - № 5-6; 3) Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. - М., 1940.

- Глава I.
- 47 Греков Б. Д. Древнейшие судьбы...
48 Там же. - С. 484.
49 Там же.
50 Там же. - С. 485.
51 Тихомиров М. Н. Древнерусские города. - М., 1956. - С. 210.
52 Там же. - С. 208-211.
53 Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. - М., 1950. - С. 14, 161.
54 Там же. - С. 139, 142. - Впервые свои взгляды на общественно-политический строй и в частности боярско-княжеские отношения и классовые противоречия в Юго-Западной Руси автор обнаружил еще в студенческие годы: Пашуто В. Т. Галицко-Волынское княжество времен Даниила Романовича // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. - 1941. - Вып. 7.
55 Там же. - С. 142.
56 Там же. - С. 145.
57 Там же. - С. 153.
58 Там же. - С. 191.
59 Там же. - С. 161.
60 Софроненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI - XIII вв. - М., 1955.
61 Там же. - С. 68-69.
62 Там же. - Глава IV. §§ 5-6.
63 Там же. - С. 54.
64 Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. - Київ, 1984.
65 Там же. - С. 47.
66 Там же. - С. 51-52.
67 Там же. - С. 54.
68 Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории. - М., 1964. - С. 210-222; 2) Киевская Русь и русские княжества XII - XIII вв. - М., 1993. - С. 508-518.
69 Толочко П. П. 1) Русь в период феодальной раздробленности (XII - первая половина XIII в.) // История Украинской ССР в 10 т. / Отв. ред. И. И. Артеменко. - Киев, 1984. - Т. I. С. 400-411; 2) Древняя Русь. - Киев, 1987. - С. 151, 154-157, 228 и др.; 3) Древнерусский феодальный город. - Киев, 1989. - С. 171-172 и др.
70 Котляр Н. Ф. 1) Данило Галицкий. - Київ, 1979; 2) Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX - XIII вв. - Киев, 1985; 3) Галицко-Волинська Русь. - Київ, 1998.
71 Галич і Галицька земля. Збірник наукових праць / Ред. кол.: П. П. То-

- лочко, В. Д. Баран (та ін.). - Київ; Галич, 1998; Галич і Галицька земля в державотворчих процесах України (матеріали Міжнародної ювілейної наукової конференції) / Ред. кол.: В. Кононенко (голова) та ін. - Івано-Франківськ; Галич, 1999; Галичина та Волинь у добу середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького / Відп. ред. Я. Ісасевич. - Львів, 2001.
72 Томенчук Б. П. Три періоди розвитку історичної топографії давнього Галича // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі у I тис. н. е. Збірник наукових праць / Відп. ред. Р. В. Терпіловський. - Київ; Львів, 1999. С. 304.
73 Там же.
74 Из последних работ см.: Янин В. Л. 1) Истоки формирования «социальной традиции» русского города (Новгород как социальная структура) // Город как социо-культурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э. В. Сайко. - М., 1995; 2) Новгород как социальная структура // Феодалы в городе: Запад и Русь. - М., 1996 и др.
75 Томашівський С. Історія України. Старинні віки і середні віки. - Мюнхен, 1948. - С. 78.
76 Полонська-Василенко Н. Д. Історія України. - Київ, 1992. - Т. I. - С. 164.
77 Томашівський С. Історія України. - С. 69-76 и др.; Коструба Т. Нарис історії України. Княжа доба (IX - XIV ст.) // Коструба Т. Вибрані твори. - Торонто, 1961. - Т. 2. - С. 255 и след.; Велика історія України від найдавніших часів / Зладив М. Голубець. - Київ, 1993. - Т. I. - С. 206 и след.; Субтельний О. Україна. Історія. - Київ, 1991. - С. 62 и след.
78 Дорошенко Д. І. Нарис історії України. - Львів, 1991. - С. 86.
79 Коструба Т. Нарис історії України. - С. 256.
80 Крип'якевич І. П. Історія України. - Львів, 1990. - С. 77.
81 Томашівський С. Історія України. - С. 80 и след.; Дорошенко Д. І. Нарис... - С. 87 и след.; Полонська-Василенко Н. Д. Історія України. - Т. I. - С. 192 и след.; Субтельний О. Україна. Історія. - С. 65-67.
82 Фроянов И. Я., Майоров А. В. Князь, бояре и городская община Галича в правление Мстислава Удалого // Россия и мировая цивилизация. К 70-летию чл.-корр. РАН А. Н. Сахарова / Ред. кол.: А. Н. Боханов (и др.). - М., 2000; Майоров А. В. Галицко-Волинская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. - СПб., 2001; Пашин С. С. Червонорусские акты XIV - XV вв. и грамоты князя Льва Даниловича. - Тюмень, 1996; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI - начале XIII вв.: Канд.

- дис. - Л., 1990.
- 83 Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. - Л., 1980. - С. 44,80-81; 2) Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. С. 29, 317; 3) К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения / Под ред. Г. Л. Курбатова. - Л., 1991. - С. 83-84, 92-93; 4) Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. - М.; СПб., 1995. - С. 698-701; 5) Рабство и данничество у восточных славян (VI - X вв.). - С. 44, 159-163; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. - Л., 1988. - С.265-268.
- 84 Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. - С. 80.
- 85 Там же.
- 86 Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... - С. 154.
- 87 Там же. - С. 150-153. -- См. также: Пашин С. С. 1) Галицкое боярство XII - XIII вв. // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. - 1985. - Вып. 4. - С. 16; 2) Червонорусские акты... Глава I; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... Глава 3.
- 88 Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... - С. 150-151.
- 89 Там же. - С. 151.
- 90 Там же. - В другой работе И. Я. Фроянов выражает эту же мысль в более категоричной форме: «Последнее слово в решении всех проблем местной жизни принадлежало вечевой общине». - Фроянов И. Я. Древняя Русь. - С. 575.
- 91 Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... - С. 154.
- 92 Там же.
- 93 Там же. - С. 154-156; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... - С. 170-171.
- 94 Фроянов И. Я. Древняя Русь. - С. 575.